

75-я годовщина начала Великой Отечественной войны. Всё меньше остаётся участников тех ужасных событий. Тем, кто встретил Великую Отечественную войну 15–17-летними, уже за 90 лет, а тем, кто завершил её в этом возрасте – за 80. Есть ещё один слой участников той страшной войны, пока не востребованных пропагандой, но переживших все ужасы её – это дети военной поры, рождённые после 30-го года прошлого столетия. Я не хочу просить для них «льгот», хотя они сегодня все пенсионеры – не отобрали бы последнее, а к этому уже идёт дело. К таким отношусь и я сам. Обычно их никто не спрашивает и не публикует их воспоминаний.

А ведь детская душа впечатлительна. Я не согласен с теми психологами – философами, которые утверждают, что дети не имеют страха перед войной. Они имеют свой, ещё неосознанный страх перед всеми ужасами, в том числе и военными, впечатления от которых остаются на всю жизнь. Детское стремление играть в войну обусловлено самой природой человека – защитить себя. Здесь детская фантазия выступает формирующим началом сильной, уверенной, способной справиться с любым врагом, личности, а бывает и наоборот – воспитывается будущий агрессор. Игра в войну – опасная вещь всегда, но страшнее всего пережить это фактически.

Те страшные четыре года сломали бесчисленное количество человеческих судеб, в том числе и детских. Та война носила особый характер – она великая, потому что затронула жизнь всего Союза, народы которого проявили огромный героизм и встали на защиту Родины и всего человечества. К сожалению, многие молодые люди плохо знают историю своей Родины и не могут извлечь

из неё уроков; в этом и наша вина, потому что мы мало рассказываем о том времени. Человек без памяти становится неблагодарным существом, не умеющим ценить то, что было достигнуто с таким трудом, в том числе и детскими страданиями. Дети не получали достаточного питания для растущего организма. Какие там молочные продукты! Хлеб пекли сами, а грубую муку получали на ручных мельницах собственного производства, если удавалось раздобыть зерно. В оккупации город спасала деревня.

Моя мама в возрасте 27–28 лет испытала такие тягости, чего и врагу не пожелаешь, но враг-то и вверг нас в них. На её руках были мы с братом (мне 7-й год, брату 3 на начало войны), отец инвалид, получивший тяжёлое ранение под Ленинградом, которого мама перед оккупацией Острогжска привезла из Вологды, и которого укрыли в деревне от фашистов старики-родители. За всех она была в ответе. Как ей удавалось вертеться, знает один Бог и мы, переживающие очень её отсутствие по многим дням, когда она обменивала последние вещи на зерно и картошку по деревням.

Один раз немцы окружили базар, основное место пропитания аборигенов. Ждали машины-душегубки из Харькова, для которых готовили «материал» – невинных людей. Там была и мама. Их продержали двое суток без воды и еды. Но, слава советским партизанам и лётчикам! – состав с этими страшными машинами-убийцами партизаны на перегоне Харьков – станция Алексеевка пустили под откос, а лётчики разбомбили его в пух и прах. Акция уничтожения жителей Острогжска была сорвана.

А каково было нам детям, которым бабушка и дедушка ничего не могли объяснить, где мама? Вот так и ходили в оккупации наши родители по лезвию бритвы – ведь для оккупантов жизнь аборигенов ничто, тем более для фашистов, для которых все мы были «недочеловеками». Мы, дети, не понимали происходящего, но подсознанием чувствовали, что происходит что-то страшное. Поэтому, когда в наши дни я услышал от одного молодого человека, что машины – душегубки, концлагеря и прочие ужасы – это миф, меня всего затрясло от негодования.

Геноцид славянских народов осуществлялся многими методами, в том числе и голодом. С оккупированных территорий всё вывозилось в Германию. В оккупации от голода вымерло 4,1 млн. человек. Голод больше всего сказывался на детях. Помню, когда впервые наелись, но это было связано с большим риском. Напротив нашего дома, наискось через дорогу находилась усадьба МТС, в помещениях которой немцы устроили свои продовольственные

склады. Туда не подпускали никого, даже вездесущих пацанов. Зимой 1943 года, когда группировка немецко-венгерско-румынских и итальянских войск попала в окружение (Острогожско-Россошанская наступательная операция 13–17 января 1943 г.), началось паническое бегство оккупантов из города Острогожска. Немцы не оставили склады, а подорвав их, подожгли. Люди, измученные голоданием, бросались в огонь, чтобы достать хоть что-то съестное. Бросилась в огонь и моя мама. Я стоял у самого огня, а она выбрасывала мне куски сала, сыра, макароны и снова – в горящие развалины. Я пытался это богатство отнести домой, но по дороге всё отбирал боров-сосед, который при немцах держал лавочку, был прислужником немцев. Эта подлость отложилась у меня на всю жизнь. Уже в 60-е годы прошлого столетия, приезжая в отпуск, я всегда при встрече с ним высказывал к нему признание. К сожалению, такие как он, безбедно жили при оккупантах и не получили по заслугам и после нашей Победы... Изворотливость их профессия. Почему это так, я понял, прожив большую нелёгкую жизнь. Опыт даёт истинное понимание жизни, но не жизненные блага. Добро и правда, побеждают только в сказках, а в реальности – зачастую наоборот.

Последствия войны с её постоянным недоеданием продолжались и после Победы. Это особенно ощущал детский растущий организм. Поест вдоволь хлеба было постоянным желанием. Мало кто помнит сегодня голод 1946–47 годов, особенно из жителей больших городов, которые уже властью «родного» Правительства снабжались за счёт деревни и малых городов. Провинция снова выручила страну. А мы 10–12-летние считали за лакомство лепёшки из жёлудёвой муки. Жёлуди собирали в лесу, благо дуба достаточно в Воронежской области, и сами мололи их на муку. До сих пор помню лиловый цвет этих лепёшек... Впервые я поел вдоволь конфет в 1950 году (и то не шоколадных), когда уже работал в бригаде грузчиков, возившей товары из Воронежа в Острогожское отделение ТОРГа (торговое государственное предприятие). Мы, дети войны, рано созрели для труда. Учёба для нас была роскошью, к которой мы стремились, невзирая ни на какую усталость.

Но не только голод подстерегал детей военной поры. Масса военных случайностей могла стать и становилась причиной гибели многих из нас. Один случай из моей детской жизни. Советские войска окружили Острогожск, но ещё не вошли в город. Немцы находились в городе, и пытались вырваться из кольца. Их танки метались по улицам из одного конца города в другой. Го-

род бомбили и обстреливали. Жители прятались в погребах. Подвал и погреб – понятия разные. Когда во дворе и огороде нашего дома упали две бомбы, наша семья решила перебраться в погреб к соседям через улицу. Там был погреб посолидней, и в нём уже укрывалось несколько семей с нашей улицы. С тех пор я верю в смысл мудрых слов: «На миру и смерть не так страшна!». Когда мама меня и младшего братишку повела туда, в конце улицы появился немецкий танк, который быстро приближался. Улицы в районном городишке узкие. Я с мамой успел перебежать дорогу, а Вова остался на её другой стороне. Нас как будто парализовало. Маленький брат плакал, махал ручонками, а на нас надвигалась махина фашистского танка. И вот он, чуть не задев нас, промчался мимо, громыхая и зловонно воняя выхлопными газами. Тогда всё обошлось, видимо, потому, что танкисты были озабочены своей судьбой. Будучи уже взрослыми, мы рассуждали с братом, что стоило тогда немцам дать очередь из пулемёта или чуть-чуть вильнуть машиной, и ... нас нет! И таких случаев во время войны была масса, в большинстве, печально заканчивающаяся и для взрослых, и для детей.

А сколько детских смертей случилось уже после освобождения города. Изощённость маскировать под детские игрушки мины, – это не выдумка чеченских боевиков, а повтор фашистского приёма. Просто у мирных людей коротка память на подлости. Подобные «игрушки» оставляли оккупанты, убегая с нашей земли. Многим детям военной поры такие игрушки стоили жизни. Детский ум любопытен. Любой ребёнок стремится познать окружающий мир собственным опытом. Многочисленные боезапасы и оружие, оставшиеся после бегства немцев, привлекали наше внимание. Поковыряешь палочкой в противотанковом патроне, а из него пойдёт дым, кладёшь порох, какого только не было, доставали из снарядов, и кладёшь его на булыжник, бьёшь по нему другим булыжником, и – веер искр. Интересно. Рыбу в леваде глушили толовыми шашками... Но все эти познания зачастую кончались увечьями, а то и детскими смертями. Вот такие реалии настоящей войны, а не детские игры «Зарница». Но лучше всё-таки игра, чем война!

Читатель помоложе, возможно, удивится моим нерадостным детским воспоминаниям и будет прав по-своему. Не испытав ужасов страшной войны и видевший её только в кино, он ищет в ней романтику. В кино мы больше видим героизм наших бойцов, нашу Победу, но за кадром остаются страдания простых людей, муче-

ния детей и стариков, а это и есть настоящие будни войны, о которых общество почему-то считает неэтичным рассказывать, тем более показывать. А это, на мой взгляд, самая действенная антивоенная пропаганда. Американцы не испытали ужасов оккупации за всю свою историю, поэтому они так лицемерно и цинично относятся к оккупации других стран своими солдатами. Любые иностранные солдаты, будь они хоть миротворцами, – чужие солдаты, и положительных эмоций не вызывают.

Помню, как немецкие солдаты, подманив нас конфеткой, бросали её в нашу стайку 7–8-летних пацанят, а потом хохотали во всю пасть, смотря, как мы боролись за неё. Это очень веселило их, а у нас возродился волчий инстинкт. Благородно ли это? Но оккупант есть оккупант!

Пребывание на оккупированной территории долго икалось для детей военных лет и после нашей Победы. Пришло время поступать в институты и училища, и мы были вынуждены отвечать на позорную графу анкеты: был или не был на оккупированной территории? Страна делила своих детей на два сорта, подозревая тех, кто испытал вражеское рабство, в чём-то неблаговидном. Не унижительно ли это?

Всё было. И бедная Россия (имею в виду весь Союз) испила полную чашу горести той страшной войны. Но, судя по всему, не извлекла печальных уроков той трагедии. У нас осталась одна великая Победа – это похвально, но тернистый путь к ней почему-то не очень афишируется. Поэтому у нынешнего поколения вырабатывается инстинкт – была Победа, а остальное не так важно. «Победителей не судят!» – очень страшное заблуждение! Но очень трудно перебить обух плетью, трудно переубедить тех, кто видит в войне способ наживы. Для них и страдания детей – пустой звук. Никогда богатый не услышит бедного – это постулат истины. Для богатого слёзы бедного – это деньги. Нынешняя действительность – яркое подтверждение этому!

Май 2016 г.

Московская область, пос. Купавна